

References

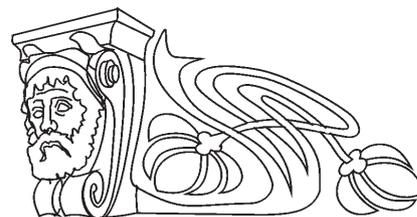
1. Kozlov V. I. O klassifikatsii etnicheskikh obshchnostey (sostoyaniye voprosa) (About classification of ethnic commonalities {status of the matter}). *Issledovaniye po obshchey etnografii (Researches in general ethnography)*. Moscow, 1979, pp. 5–24.
2. Rutkevich M. N. Teoriya natsii: filosofskiye voprosy (Theory of nation: Philosophical questions). *Voprosy filosofii (Issues of philosophy)*. 1999, no. 5, pp. 19–33.
3. Pivoev V. M. *Etnos i natsiya: problemy identifikatsii (Ethnos and nation: problems of identification)*. Petrozavodsk, 2006. 109 p.
4. Dashdamirov A. F. *Natsionalnaya ideya i etnichnost. Azerbaydzhanskaya ideya v etnokulturnom i etnopoliticheskom kontekste (National idea and ethnicity. Azerbaijani idea in ethnocultural and ethnopolitical context)*. Baku, 2001. 154 p.
5. *Sotsiologiya (Sociology)*. Moscow, 2005. 448 p.
6. Zamiralova T. A., Krikh S. B. *Etnologiya (Ethnology)*. Omsk, 2008. 52 p.
7. Berkovich N. A. *Plemya, narodnost, natsiya: sotsialno-filosofskoe issledovaniye: dis... d-ra filos. nauk (Tribe, peoples, nation: social-philosophic research: Dr. philos. sci. diss.)*. St. Petersburg, 2002. 287 p.
8. Gening V. F. *Etnicheckiy protsess v pervobytnosti (Ethnical process in primitive state)*. Sverdlovsk, 1970. 128 p.
9. Gening V. F., Pavlenko Yu. V. Institut plemeni kak organ zarozhdayushcheysya politicheskoy nadstroyki (Tribe institute like a body of emerging political superstructure). *F. Engels i problemy pervobytnoy istorii (F. Engels and problems of primitive state story)*. Kiev, 1984, pp. 60–109.
10. Schnirelman V. A. Problema doklassovogo i ranneklassovogo etnosa v zarubezhnoy etnografii (Problem of preclass and early class ethnos in foreign ethnography). *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnos in preclass and early class society)*. Moscow, 1982, pp. 207–257.
11. Schnirelman V. A. Protoetnos okhotnikov i sobirateley (po avstraliyskim materialam) (Protoethnos of hunters and collectors {regarding to australian materials}). *Etnos v doklassovom i ranneklassovom obshchestve (Ethnos in preclass and early class society)*. Moscow, 1982. pp. 83–108.
12. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera zemli (Ethnogenesis and the biosphere of Earth)*. Moscow, 1993. 503 p.
13. Tishkov V. A. O fenomene etnichnosti (About ethnicity phenomenon). *Etnograficheskoe Obzrenie (Ethnographic Review)*. 1997, no. 3, pp. 3–21.
14. Bromley Yu. V. *Ocherki teorii etnosa (Essays on ethnos theory)*. Moscow, 1983. 413 p.
15. Bromley Yu. V. *Etnosotsialnyye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost (Ethnosocial processes: theory, history, contemporaneity)*. Moscow, 1987. 335 p.
16. Dugin A. G. *Etnosotsiologiya (Ethnosociology)*. Moscow, 2011. 639 p.
17. Kosing A. *Nation in Geschichte und Gegenwart*. Berlin. 1976. 306 S. (Russ. ed.: Cozing A. *Natsiya v istorii i sovremennosti*. Moscow, 1978. 293 p.).
18. Hroch M. From national movement to the fully-formed nation: the nation-building process in Europe. *Mapping the Nation*. L. ; N.Y., 1999, p. 78–97. (Russ. ed.: Khroch M. Ot natsionalnykh dvizheniy k polnostyu sformirovavsheysya natsii: protsess stroitelstva natsiy v Yevrope. *Natsii i natsionalizm*. Moscow, 2002. pp. 121–146.
19. Habermas J. The European nation-state – its achievements and its limits. On the past and future of sovereignty and citizenship. *Mapping the Nation*. L. ; N.Y., 1999, p. 281–294. (Russ. ed.: Habermas Yu. Yevropeyskoye natsionalnoye gosudarstvo: yego dostizheniya i predely. O proshlom i budushchem. *Natsii i natsionalizm*. Moscow, 2002. pp. 364–380).
20. Adygezalova S., Abasov A. Natsionalizm i integratsiya epokhi globalizatsii (Nationalism and integration of globalization age). *Elmi asarlər (Scientific work)*, 2011, no. 1(16), pp. 52–57.

УДК 165.12:111.1

НЕОБЫЧНЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ

П. А. Гордеев

Гордеев Павел Анатольевич – аспирант кафедры теоретической и социальной философии, Саратовский государственный университет
E-mail: p.a.gordeev@yandex.ru

В статье разрабатывается философское направление исследования проблемы необычных состояний сознания. Проводится терминологическая демаркация «измененных» и «необычных» состояний сознания, основанная на их феноменологии. Контекст философского осмысления проблемы – онтология и философская антропология. Исходным постулатом является утверждение, что проблема необычных состояний сознания неразрывно связана с проблемой конституции человека, его сущности и предельных состояний. Представлена идея многомерности бытия человека во взаимосвязи с типами реальностей, соразмерных

различным состояниям сознания. Основной вывод заключается в том, что необычные состояния сознания связаны с выходом за пределы опыта переживания привычной эмпирической и социальной реальности. В заключение обсуждается вопрос о возможности интеграции необычных состояний сознания в целостную систему опыта субъекта.

Ключевые слова: необычные состояния сознания, измененные состояния сознания, состояния сознания, философия сознания, типология реальностей, необычная реальность, многомерность человека.

Пространство измененных и необычных состояний сознания отмечается значительным разнообразием, оно включает: различные «мистические» состояния; дремоту, сон и «просоночные» состояния; трансовые, медитативные и гипнотические; психоделические, состояния алкогольного и наркотического опьянения; экстатические и религиозно-мистические; состояния озарения, просветления; творческие, связанные с инсайтами; «околосмертные» состояния сознания и т. д.

Выделяется также большое разнообразие факторов и способов, инициирующих измененные и необычные состояния сознания. Анализ этих факторов позволил отечественным ученым типологически разделить подобные состояния на: 1) вызываемые искусственно посредством психоактивных веществ или процедур; 2) возникающие спонтанно при обычных, необычных или экстремальных условиях и обстоятельствах; 3) психотехнически обусловленные, т. е. вызываемые целенаправленно посредством особых психотехнических процедур [1, с. 48]. В целом сходная дифференциация проводится и современными западными исследователями. Так, измененные состояния сознания (ИСС) подразделяются на: 1) возникающие спонтанно; 2) вызванные физическими и физиологическими стимулами; 3) индуцированные психологическими методами; 4) вызванные заболеваниями [2, с. 99–114].

Зачастую в специальной литературе термин ИСС обозначается все множество состояний, в большей или меньшей степени отличающихся от «обычного» состояния сознания, ассоциирующихся с нормальным состоянием бодрствования, привычным способом и уровнем психической активности, т.е. все состояния, не соответствующие этой норме – от «легкого» транса до религиозно-мистических состояний – именуется «измененными». Также многие исследователи, не различая, употребляют синонимично термины «измененные состояния сознания», «особые ...», «необычные ...» и т. д. Однако полиморфность и неоднородность подобных состояний сознания, а также семантический анализ понятий «изменение» и «необычность» требуют их дифференциации и терминологической демаркации. Так, понятие «необычные состояния сознания» (НСС) выражает некоторое количество потенциальных состояний, качественно отличных от актуального, наличного состояния. Здесь и происходит уточнение понимания подобного состояния сознания не как измененного, но как «иного», необычного. Таким образом, имеется в виду не изменение, а трансформация сознания. Понятие же «измененного состояния сознания» указывает скорее на количественное изменение параметров наличного состояния, целостность и общая структура которого остаются неизменными, т.е. имеются в виду изменения, но в пределах того же состояния, которое можно назвать «неизменным», обычным.

Близок в этом плане дифференцированный подход В.В. Козлова, который предлагает модель «плавающего» сознания для обозначения его динамики в пространстве различных состояний. Континуум уровней измененности сознания включает *полное*, четкое состояние сознания (связанное с инсайтами), *обычное* состояние сознания, *трансовое*, «нулевое» состояние сознания (характеристикой которого является полное отсутствие всякого сознания) и два «глубоких» состояния сознания – *расширенное* (возникающего при связанном дыхании, в том числе холотропном) и *психоделическое* (появляющееся в результате приема психоделиков, длительного и интенсивного использования психотехник и т.д.) [3, с. 22–26]. В пределах не «глубоких» ИСС (т.е. собственно ИСС, в нашей терминологии), которые относятся к области обычного состояния сознания, сознание может флуктуировать быстро и незаметно для индивида. «Глубокие» (расширенное и психоделическое) состояния сознания (входящие в объем понятия НСС, принятого нами), по утверждению В. В. Козлова, характеризуются глубокими изменениями в сознании.

Проведенная демаркация имеет важное методическое следствие: так как мы настаиваем на *принципиальном* различении количественных и качественных изменений, употребление лишь термина ИСС внесло бы путаницу в дальнейшее исследование. Проблема НСС неразрывно связана с проблемой конституции человека, его сущности и предельных состояний. Необычные состояния сознания становятся возможны благодаря строению человеческого существа как сущего особого рода, обладающего для-себя-бытием, бытием-в-мире и бытием-с-другими. Через эти экзистенциалы выражается многогранность бытия человека в его взаимосвязи с наличным бытием и бытием другого.

Человек наделен сознанием, выраженным «в субъективной переживаемости событий внешнего мира и жизни самого индивида, в отчете об этих событиях» [4, с. 589], т.е. человек обнаруживает в первичном акте переживания сам себя как особое сущее, обладающее бытием, и окружающий мир, в который он включен. Благодаря интенциональной направленности и рефлексии осуществляются смысловое и ценностное полагание внутренней и внешней реальностей. Это полагание осуществляется в сфере *конкретного* опыта, имеющего свои границы. Границы этого опыта конституируются замкнутостью человека на определенных сферах бытия и его активностью, т.е. выстраиванием отношений с бытием и внутри того бытия, в котором он себя обнаруживает.

Вместе с тем существует сфера *возможного* опыта, закрытая для сознания, ориентированного на наличную реальность и детерминированного повседневностью. Человека как «духовное» существо, по М. Шелеру, характеризует «экзистен-

циальная несвязанность, свобода, отрешенность его <...> от принуждения, от давления, от зависимости от органического, от “жизни” и ото всего, что относится к “жизни”, то есть в том числе и от его собственного, связанного с влечениями интеллекта. Такое “духовное” существо <...> не привязано к влечениям и окружающему миру» [5, с. 153], оно свободно от него. Возможный опыт открывает сферы бытия, составляющие *альтернативную* реальность. Данный предикат в этом случае означает не нечто мистическое (экзотическое, непонятное и т. п.), но *иное* по отношению к обыденности (повседневности) существования в эмпирической (объективной, предметной) и социальной (интерсубъективной) реальностях.

Необычная, альтернативная реальность раскрывается в большом разнообразии форм и содержаний, поэтому характеризовать ее как *иную* можно лишь постольку, поскольку она *ничтожит* обычную реальность, т.е. обнаруживается не в отдаленности, а в отделенности от нее.

В отношениях «отдаленности» к обычной реальности выступает *измененная* реальность, т.е. обычная реальность, фиксируемая человеком как измененная. В феноменологическом ключе это изменение свойств и параметров реальности (при сохранении ее общей «картины», структуры), данной в непосредственном переживании. В психологическом дискурсе – это семантические и перцептивные aberrации, синестезии и т.д. В любом случае сфера опыта расширяется, но не выходит за рамки наличной реальности, с которой она соотносится. При этом необходимо учитывать, что «реальность» здесь понимается не абстрактно-отвлеченно, а во взаимосвязи с человеком, как актуальная данность, в которой он себя обнаруживает благодаря переживанию и осознанию. В связи с представленностью реальности в сознании, а следовательно, и корреляции изменений сознания и реальности весьма конструктивной представляется дальнейшая разработка предложенного С. Криппнером и А. Рокком термина «измененные паттерны феноменальных свойств» [6]. Х. Плеснер говорит о человеке как о «личном жизненном единстве и сущностно существующих с ним слоях наличного бытия» [7, с. 101]. Но, во-первых, наличное бытие всегда есть определенное бытие человека, т.е. составляет мир для человека (Welt), а во-вторых, измененная и необычная реальности всегда даны человеку как определенная «наличность», они наличествуют для человека, также составляя Welt. Таким образом, можно констатировать наличие **корреляционных связей между состояниями сознания и типами реальностей**: так, обычная реальность соотносится с «обычным» состоянием сознания, измененная реальность – с ИСС, необычная (альтернативная) реальность – с НСС.

Переживания измененной и необычной реальностей опосредованы феноменом *телесности*. Имеется в виду тело не как биологический организм, а *тело вообще*, в котором человек себя обнаруживает и которое делает возможным активность, его действие в мире. Это – такое тело, которое «поддерживает жизнь в видимом нами спектакле <...> его одушевляет и питает изнутри, составляет вместе с миром единую систему» [8, с. 261]. Именно через тело как определенную целостность человек осознает себя в мире. Такая медиация осуществляет любое взаимодействие в мире, поскольку тело предстает его частью. Оно отвечает также способам действий в мире – реальности, наделенной определенными свойствами и законами.

Важным понятием феноменологии телесности является «схема тела». Оно выражает переживание и осознание человеком собственного тела, его образа, динамики, формы, границ, пространственных свойств. В измененных и необычных состояниях сознания схема тела может меняться и преобразовываться до неузнаваемости. М. Мерло-Понти выделяет перцептивный аспект такого изменения: «Внешняя перцепция и перцепция собственного тела меняются вместе, потому что они суть две стороны одного и того же акта» [8, с. 263]. Исходя из этого, он заключает, что «определенная форма внешнего опыта предполагает и вызывает определенное осознание собственного тела» [8, с. 264–265]. Яркой иллюстрацией влияния изменений перцептивного поля на сознание, в том числе на «схему тела», является феномен так называемой «флоатинг-капсулы» (англ. Flotation Tanks). Это сооружение, сконструированное американским нейробиологом Дж. Лилли, представляет собой плотно закрывающийся резервуар, в котором размещается испытуемый. Особенностью резервуара является искусственная внутренняя среда: держащий человека на плаву (в состоянии «невесомости») соляной раствор, температура которого равна температуре человеческого тела; светоизоляция; звукоизоляция. Проведя некоторое время в капсуле, в результате сенсорной депривации человек начинает испытывать эффекты: пребывания в особой реальности; изменения времени и пространства; различных оптических и акустических феноменов; перинатального и трансперсонального опыта; внетелесного опыта и других трансформаций схемы тела (например, чувство «бытия птицей» и соответствующее состояние полета) [9].

Однако изменение формы телесности не ограничивается изменением перцептивной сферы. Так, известны случаи отождествления с различными существами и объектами живой и, соответственно, неживой природы, причем это отождествление происходит на всех уровнях человеческого существа, затрагивая схему тела, эмоциональные

и когнитивные проявления, перцептивную сферу, способы действий и т. д., что также опосредуется телом как целостностью. Таким образом, можно говорить о множественности «тел», в которых человек себя обнаруживает и посредством которых взаимодействует в актуальной для определенного состояния сознания реальности.

Исходным телом, посредством которого мы взаимодействуем в привычной реальности, является биологическое тело. Оно приучено к эффективному функционированию, «знает» и формирует множество движений в различных возможных сочетаниях, что обеспечивает возможность активного целенаправленного действия. Образ действий и движений, в свою очередь, формируется исходя из потребностей и желаний человека, его мотивов в широком смысле. Но способы действия биологического тела как элемента природной реальности основываются на человеческих мотивах, соизмеримых с его существованием в эмпирической реальности. По мнению А. Гелена, человеческие «движения должны иметь <...> богатство комбинаций именно для того, чтобы соответствовать безграничному многообразию обстоятельств и ситуаций, которым представлен человек и которыми он должен овладеть» [10, с. 181]. Таким образом, многообразие движений человека образуется «в столкновении с вещами» [10, с. 182], следовательно, возможности биологического тела ограничиваются, во-первых, физическими законами природного мира, а во-вторых, целями человека, определяющими его активность в мире. Переход к НСС и соразмерным им реальностям, в которых снимаются законы естественного мира и целесообразность привычных паттернов и комплексов движений, ведет к преобразованию формы тела, его схемы, свойств, качеств и способов проявления активности.

Показательно, что одними из возможных факторов индукции ИСС и НСС являются моменты: 1) «отрицания» биологического тела (самоистязание, голодание, обезвоживание, кровопускание, удушье, крайние температурные воздействия); 2) выполнение телом непривычных, необычных движений и положений, неадекватных и ненужных для эффективной деятельности в обычной реальности (ритуальные танцы, кружения дервишей, йогические асаны); 3) смена режимов функционирования тела (гиперактивность, релаксация, засыпание и др.).

Таким образом, тело обладает возможностью самотрансцендирования и способно опосредовать переход к необычным состояниям сознания и восприятию необычной реальности. Это доказывает и доминирование в древности телесно-динамических ритуалов, «в которых тело играло роль “моста” между профанным и сакральным мирами, было главным проводником религиозного опыта» [11, с. 569]. Примечательно, что ИСС,

индуцируемые телесной динамикой, привлекают внимание современных исследователей. В частности, изучается целительный потенциал ИСС, возникающих в процессе «танцевально-двигательной терапии» [12].

Другим важным аспектом человеческого существа является его *социальность*. Человек – существо социальное, встроенное в общество, взаимодействующее с другими его членами. Так, человек обнаруживает себя включенным не только в эмпирическую, но и в социальную реальность, также детерминирующую его своими порядками. Социальные порядки, идеалы, взаимодействия формируют и сознание членов общества, т.е. социализация происходит путем формирования такого сознания, которое адаптировано к требованиям общества и способно осуществлять эффективную коммуникацию в социальном пространстве. Мы должны обладать «сходным» сознанием, чтобы даже на речевом уровне взаимодействовать друг с другом. Этот тезис имплицитно устанавливает интерактивную парадигму, предполагающей «принципиальную взаимную согласованность состояния языкового сознания человека с его общим функциональным состоянием» [13, с. 231]. По мере изменения сознания изменяется и язык, выражаясь в словах и грамматических формах, несвойственных речи человека в обычном состоянии сознания. Изменяется структура предложений, употребление глагольных времен, падежей и т.д. По мнению Д. Л. Спивака, для каждого ИСС можно составить свой «разговорник». Причем, используя такой разговорник для общения с человеком, находящимся в соответствующем состоянии сознания, можно многократно повысить эффективность вербальной коммуникации [14]. Отсюда «установление наличия или отсутствия ИСС следует связывать с совершившимся фактом перехода на качественно своеобразный модус организации языковой способности и речевой деятельности» [13, с. 13].

Адекватная и успешная активность человека в социальной реальности – «коммуникационном пространстве» – становится возможной благодаря наличию «консенсусного» сознания. Такое сознание как общественный идеал не только выстраивает образцы коммуникации, но и осуществляет регулятивную функцию, формулируя нормы, контролирующие поведение человека в целом, способы и цели его деятельности. Эти нормы экстраполируются и на существование человека в эмпирической реальности, определяя способы ее восприятия и осмысливания, и на внутреннюю реальность. А. В. Россохин связывает ИСС с переходом «от социально-нормированной культурой форм категоризации к новым способам упорядочения внутреннего опыта и переживания» [15, с. 26].

По мнению исследователей, к способам продуцирования измененных и необычных состояний сознания можно отнести социальную изоляцию. Примеры преодоления социальности, снятия ее ограничений обнаруживаются в различных духовных практиках, в которых один из этапов духовного развития человека связан с отшельничеством, затворничеством, ретритом или обетом молчания. Практики инициирования НСС (в общепринятом смысле), разумеется, не должны отождествляться с духовными практиками, но могут лишь включаться в них как составная часть – в качестве психотехнического элемента. Однако снятие социальных влияний на сознание человека может рассматриваться как разрушение привычного мира, и в первую очередь социальной реальности. Это создает благоприятные условия для формирования состояния сознания, релевантного другому типу реальности, замещающему обычную реальность.

Пределные выражения НСС связаны с *трансперсональностью* человека. Трансперсональные области, в которых человек в необычных состояниях сознания себя обнаруживает, являют прекрасный пример необычной (альтернативной) реальности. Как характеристика человека трансперсональность проявляется при: 1) изменении человеком способов структуризации привычного пространства и времени; 2) трансцендировании вовлеченности в эмпирическую и социальную реальность; 3) трансформации схемы тела и способов проявления его активности; 4) реорганизации эго с его когнитивными, волевыми и ценностными структурами; 5) изменении корреляции между уровнями сознания.

Таким образом, проблема НСС высвечивает *многомерность* человека как отличительную характеристику, благодаря которой вообще становится возможным дискурс об этих состояниях сознания. Многомерность человека делает возможным его размыкание, изменение способа существования, преодоление давящей повседневности и переживание полноты собственного бытия, чувство подлинности трансцендентного и утрату ощущения «разорванности» бытия.

Многомерность выступала бы сама в качестве фактора «разорванности», фрагментарности человеческого бытия, если бы не было определенной целостности, некоего единства. Формы и способы бытия человека в различных типах реальностей настолько отличны и различны, а его возможные качества настолько разнообразны, что может сложиться ложное впечатление о наличии нескольких субъектов вместо одного, но речь идет об одном человеке и его состояниях. Поэтому человек как целостность есть то, что он *присваивает*, а его сущность выражается через *единство в опыте*. В завершённой форме это единство предстает, когда осознается, т.е. возвышается до уровня

сознания, разума. Именно поэтому главным этапом интенсивных психотехнологий (например, холотропной терапии С. Грофа) является не само получение переживания необычной реальности, а последующая интеграция этого опыта. Так как человек обнаруживается в обычной реальности, его единство и целостность реализуются, в том числе, путем осознания потенциала НСС, их продуктивных возможностей для гармонизации обычного существования.

Поскольку человек есть определенное единство в опыте, постольку можно констатировать наличие нитей взаимодействия, взаимовлияния, связующих друг с другом пары «состояние сознания – соразмерный тип реальности». Так, опыт, полученный в необычной реальности, наполняет смыслом обычную реальность. Такое определение близко формулировке У. Джеймса: «Видимый мир является лишь частью иного, духовного мира, в котором он черпает свой главный смысл» [16, с. 378]. Откровения, полученные в НСС, устанавливают ценностные ориентиры, дают новое понимание мира, себя и сферы человеческих отношений, формируют новые стратегии бытия-в-мире и бытия-с-другими. Станислав и Кристина Гроф на основании многолетней психотерапевтической практики заключают: «Люди, пережившие мощные трансформирующие переживания и успешно применившие их в своей повседневной жизни, демонстрируют весьма заметные изменения системы ценностей и жизненных ориентаций» [17, с. 359]. Биографии пророков, духовных учителей, а также случаи из медитативных и трансперсональных практик изобилуют соответствующими примерами.

Список литературы

1. *Спивак Л. И., Спивак Д. Л.* Измененные состояния сознания : типология, семиотика, психофизиология // *Сознание и физическая реальность*. 1996. Т. 1, № 4. С. 48–55.
2. *Vaitl D. et al.* Psychobiology of Altered States of Consciousness // *Psychological Bulletin*. 2005. Vol. 131, № 1. P. 98–127.
3. *Козлов В. В.* Психотехнологии измененных состояний сознания. М., 2005. 544 с.
4. *Лекторский В. А.* Сознание // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. Т. III. М., 2010. С. 589–591.
5. *Шелер М.* Положение человека в Космосе // Шелер М. *Избранные произведения*. М., 1994. С. 129–193.
6. *Rock A., Krippner S.* Does the Concept of «Altered States of Consciousness» Rest on a Mistake? // *International Journal of Transpersonal Studies*. 2007. Vol. 26. P. 33–40.
7. *Плеснер Х.* Ступени органического и человек. Введение в философскую антропологию // *Проблема человека в западной философии* : переводы. М., 1988. С. 96–151.

8. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. 608 с.
9. Kjellgren A., Lyden F., Norlander T. Sensory Isolation in Flotation Tanks : Altered States of Consciousness and Effects on Well-being // *The Qualitative Report*. 2008. Vol. 13, № 4. P. 636–656.
10. Гелен А. О систематике антропологии // Проблема человека в западной философии : переводы. М., 1988. С. 152–201.
11. Пелипенко А. А., Хачатурян В. М. Измененные состояния изменяющегося субъекта в контексте кризиса логоцентризма // Субъект во времени социального бытия : историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции. М., 2006. С. 569–586.
12. Woods A. The Use and Function of Altered States of Consciousness within Dance/Movement Therapy : A Thesis for the degree of Master of Arts. Philadelphia, 2009. 128 p.
13. Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания : психология и лингвистика. СПб., 2000. 296 с.
14. Спивак Д. Л. Матрицы : пятая проза? (Филология измененных состояний сознания) // Родник. 1990. № 9. С. 15–19.
15. Россохин А. В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания : интросознание в психоанализе. М., 2010. 304 с.
16. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993. 432 с.
17. Гроф С., Гроф К. Эпилог : духовные критические ситуации и глобальный кризис // Гроф К. Духовный кризис : когда преобразование личности становится кризисом. М., 2003. С. 357–360.

Nonordinary States of Consciousness as a Problem of Philosophy

P. A. Gordeyev

Saratov State University
Ulitsa Astrahanskaya, 83, 410012 Saratov, Russia
E-mail: p.a.gordeev@yandex.ru

The article develops philosophical aspect of the problem of nonordinary states of consciousness research. The demarcation of terms «altered states of consciousness» and «nonordinary states of consciousness» is based on their phenomenology. Ontology and philosophical anthropology are the context of philosophical comprehension of this problem. The statement about the connection of the problem of nonordinary states of consciousness with human nature and constitution and ultimate states is taken for the initial point. The author expresses the idea of multidimensionality of human existence in connection to types of realities, which are commensurate with different states of consciousness. The main conclusion is that nonordinary states of consciousness are connected to the going beyond the limits of usual empiric and social reality. At the end the author speculates about the possibility to integrate nonordinary states of consciousness into a person's comprehensive system of experience.

Keywords: nonordinary states of consciousness, altered states of consciousness, states of consciousness, philosophy of consciousness, types of realities, nonordinary reality, multidimensionality of a human.

References

1. Spivak L. I., Spivak D. L. *Izmenennyye sostoyaniya soznaniya: tipologiya, semiotika, psikhofiziologiya* (Altered States of Consciousness: Typology, Semiotics, and Psychophysiology). *Soznaniye i fizicheskaya realnost* (Consciousness and Physical Reality), 1996, vol. 1, no. 4. pp. 48–55.
2. Vaitl D., Birbaumer N., Gruzelier J., Jamieson G., Kotchoubey B., Kubler A., Lehmann D., Miltner W., Ott U., Putz P., Sammer G., Strauch I., Strehl U., Wackermann J., Weiss T. Psychobiology of Altered States of Consciousness. *Psychological Bulletin*, 2005, vol. 131, no. 1, pp. 98–127.
3. Kozlov V. V. *Psikhotekhnologii izmenennykh sostoyaniy soznaniya* (Psychotechnologies of Altered States of Consciousness). Moscow, 2005. 544 p.
4. Lektorskiy V. A. *Soznaniye* (Consciousness). *Novaya filosofskaya entsiklopediya* (New Philosophical Encyclopedia), vol. 3. Moscow, 2010, pp. 589–591.
5. Scheler M. The Human Place in the Cosmos. Evanston, 2009. 79 p. (Russ. ed.: Sheler M. *Polozheniye cheloveka v Kosmose*. Sheler M. *Izbrannyye proizvedeniya* {Selected Writings}. Moscow, 1994, pp. 129–193).
6. Rock A., Krippner S. Does the Concept of «Altered States of Consciousness» Rest on a Mistake? *International Journal of Transpersonal Studies*, 2007, vol. 26, pp. 33–40.
7. Plessner H. *Stupeni organicheskogo i chelovek. Vvedeniye v filosofskuyu antropologiyu* (The Levels of the Organic and Man. Introduction to Philosophical Anthropology). *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: perevody* (The Problem of Man in Western philosophy: Translations). Moscow, 1988, pp. 96–151.
8. Merleau-Ponty M. *Phenomenology of Perception*. N.Y., 2012, 696 p. (Russ. ed.: Merlo-Ponti M. *Fenomenologiya vospriyatiya*. St. Petersburg, 1999. 608 p.).
9. Kjellgren A., Lyden F., Norlander T. Sensory Isolation in Flotation Tanks: Altered States of Consciousness and Effects on Well-being. *The Qualitative Report*, 2008, vol. 13, no. 4, pp. 636–656.
10. Gehlen A. O sistematike antropologii (About Systematics of Anthropology). *Problema cheloveka v zapadnoy filosofii: perevody* (The Problem of Man in Western philosophy: Translations). Moscow, 1988, pp. 152–201.
11. Pelipenko A. A., Khachaturyan V. M. *Izmenennyye sostoyaniya izmenyayushchegosya subyekt v kontekste krizisa logotsentrizma* (Altered States of Altering Person in the Context of Logocentrism Crisis). *Subyekt vo vremeni sotsialnogo bytiya: istoricheskoye vypolneniye*

- prostranstvenno-vremennogo kontinuumu sotsialnoy evolyutsii* (The Subject in the Time of Social Existence: Historical Realization of Social Evolution's Space-Time Continuum). Moscow, 2006, pp. 569–586.
12. Woods A. *The Use and Function of Altered States of Consciousness within Dance/Movement Therapy: A Thesis for the degree of Master of Arts*. Philadelphia, 2009. 128 p.
 13. Spivak D. L. *Izmenennyye sostoyaniya soznaniya: psikhologiya i lingvistika* (Altered States of Consciousness: Psychology and Linguistics). St. Petersburg, 2000. 296 p.
 14. Spivak D. L. *Matritsy: pyataya proza? (Filologiya izmenennykh sostoyaniy soznaniya) (The Matrixes: Fifth Prose? (Philology of Altered States of Consciousness))* *Rodnik* (The Spring), 1990, no. 9, pp. 15–19.
 15. Rossokhin A. V. *Refleksiya i vnutrennyy dialog v izmenennykh sostoyaniyakh soznaniya: Intersoznaniye v psikhooanalize* (Reflection and Inner Dialog in Altered States of Consciousness: Inter-Consciousness in Psychoanalysis). Moscow, 2010. 304 p.
 16. James W. *The Varieties of Religious Experience*. Lexington, KY, 2009, 284 p. (Russ. ed.: Dzheymz U. *Mnogoobraziye religioznogo opyta*. Moscow, 1993. 432 p.).
 17. Grof S., Grof C. *Epilogue: Spiritual Critical Situation and The Global Crisis. Spiritual Emergency: When Personal Transformation Becomes a Crisis*. Los Angeles, 1989, p. 233–235. (Russ. ed.: Grof S., Grof K. *Epilog: Dukhovnyye kriticheskiye situatsii i globalnyy krizis. Dukhovnyy krizis: Kogda preobrazovaniye lichnosti stanovitsya krizisom*. Moscow, 2003, pp. 357–360).

УДК 111

СООТНОШЕНИЕ ТЕЛА И ДУХА – КЛЮЧ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(Das Verhältnis von Körper und Geist – ein Schlüssel für die Bestimmung der menschlichen Identität)

(Окончание. Начало в № 2 за 2013 г.)

Р. Катер

Катер Регине – доктор философии, профессор кафедры философии, Университет Фрайбурга/Брейсгау, Германия
E-mail: regine.kather@philosophie.uni-freiburg.de

В статье дается анализ в настоящее время доминирующего одностороннего определения личности через *самосознание*; тело имеет значение только благодаря его биологическим функциям. В контексте неокантианской философии Эрнста Кассирера проводится параллель между телом и душой, которая определяется как *символическое отношение*. Посредством тела чувства и намерения могут восприниматься и пониматься, в том числе, исходящие и от Других. Символическое выражение есть условие возможности *интерсубъективности*, которая включает в себя действия, намерения и чувства. Личность должна рассматриваться как единство тела и духа, которое в существенной степени связано с другими личностями и *природой*. *Этика* должна учитывать и эти аспекты, чтобы защитить целостность и неприкосновенность личностной жизни человека.

Ключевые слова: самосознание, тело, символическое отношение, интерсубъективность, природа, этика.

III. Одухотворенное тело как основа интерсубъективности

Представитель естествознания мог бы, естественно, все еще попытаться объяснить мимическое выражение разного рода состояний чувств и движений рук и ног, включая те, которые проявляются как поведение и как действие, вызванное нейронными, а тем самым электрохимическими процессами. Тест на способность

выполнять физиологические функции, например, в состоянии ли еще данное лицо с определенным заболеванием взять в руки стакан, и какое-либо действие, для понимания которого решающей является целенаправленность, анализировались бы по той же схеме категорий. Направленность ограничивалась бы исходной каузальной связью.

Однако в этом случае понятие выражения было бы уменьшено на решающую размерность: когда направленность выражается посредством тела, то она воспринимается и *Другими*, и понимается в своем значении. Движение выражения самого себя, следовательно, только первый, решающий шаг к отношению с другими. При этом мы делаем вывод не по истечении какого-то периода времени, а по аналогии, – от, прежде всего, пространственно-вещественного существования тела по отношению к духу, упрятанному в нем «как в коробочке» и доступному лишь интимно собственной внутренней жизни. Не физически определяемая частота голоса, а значение слов есть основа беседы. Когда мы встречаем друга, мы интерпретируем движение его руки как приветствие, на которое мы отвечаем, а не как угрожающий жест, которому мы противодействуем. Даже язык сообщается телом путем сказанного слова, которое становится слышно, путем написанного,